Исторический вестник. 2023. Т. XLV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.006

А.А. Горский

«Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики

Памятникам русской средневековой литературы, повествующим об отечественной истории, не был свойствен прямой вымысел. Встречающиеся в летописях и иных произведениях неточности и искажения в описании исторических событий были либо вызваны использованием устных преданий, либо объясняются попытками книжников домыслить то, что было, по их представлению, «недоговорено» в письменных источниках, которыми они пользовались[1]. Традиционно мнение, что русская литература не допускала художественного вымысла вплоть до XVII в.[2] В настоящей статье предпринимается попытка уточнить этот вопрос по отношению к произведениям на историческую тему на материале трех памятников: «Сказания о Мамаевом побоище» — наиболее пространного произведения из повествующих о Куликовской битве 1380 г., «Повести о разорении Рязани Батыем», описывающей монгольское нашествие на Рязанскую землю

[1] См.: *Конявская Е.Л.* О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 176.

[2] См.: *Творогов О.В.* Литература Древней Руси. Пособие для учителя. М., 1981. С. 10–11.

в 1237 г., и Никоновской летописи — монументального летописного свода начала XVI в.[3]

* * *

«Сказание о Мамаевом побоище» содержит ряд сюжетов, ставших, как принято ныне говорить, «культовыми», но отсутствующих в других памятниках Куликовского цикла — летописных повестях и поэтической «Задонщине». Они долгое время воспринимались как соответствующие действительности. Однако ныне можно считать доказанным, что «Сказание» создано было в начале XVI в., более чем столетие спустя после описываемых в нем событий[4]. И есть возможность оценить степень достоверности его уникальных мест.

Одним из них является сюжет о Пересвете и Ослябе. В «Сказании» рассказывается, что великий князь Дмитрий Иванович пришел в Троицкий монастырь к игумену Сергию Радонежскому и, получив от него благословение на войну с Мамаем, попросил: «“Даи же ми, отче, два воина от полка своего, Пересвѣта и брата его Осляба, то ты и сам с нами пособьствуеши”. Старець преподобныи повелѣ има скоро уготовлятися. Они же послушание сътвориша преподобнаго старца и не отвръгошася. И дасть имъ въ тлѣнных мѣсто орудие нетлѣнное — крестъ Христовъ, нашит на скимах, и повелѣ има въмѣсто шоломовъ възлагати на собя. И дав их в руци великому князю и рече ему: “се ти мои оружници, а твои изволници”»[5]. В описании начала битвы Пересвет выступает в качестве участника предваряющего ее поединка: «И выиде печенегъ ис полку татарьскаго, подобенъ древнему Голияду, пред всими мужеством являяся. Видѣвъ его Александръ, рекомыи Пересвѣт чернець, иже в полку Володимерѣ Всеволожи, подвигся же ис полку и рече: “Сеи человѣкъ ищет себѣ подобна, азъ хощу с ним видитися”. И бѣ на нем шолом въоруженъ арханьгилского образа и схима подъ шоломомъ его, по повелѣнию игу-

---

[3] В каждом из произведений рассматриваются по два относящихся к теме сюжета.

[4] См.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 7; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 331–348; *Петров А.Е.* Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.): к вопросу о моменте трансформации восприятия «места памяти» // Исторические записки. Вып. 7 (125). М., 2004; *он же.* Александрия Сербская и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20).

[5] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 151–152.

мена Сергия, и рече имъ: “Отци и братиа, простите мя, и брате Ондрѣи Ослябя, молите за мя Бога, и игуменъ Сергии, помогаи мнѣ молитвою”. Онъ же устремися крѣпко противу его. Христиани же кликнуша: “Боже, помози рабу своему”. Съѣхавжеся, ударившеся крѣпко, одва мѣсто под ними не проломишася, и спадоша оба с конѣи своих на землю, ту скончашася оба»[6].

Между тем более ранние источники говорят о Пересвете и Ослябе иное. Житие Сергия Радонежского, откуда взят сюжет о поездке Дмитрия перед походом в Троицкий монастырь, ни Пересвета, ни Ослябю не упоминает[7]. Из летописных известий и актового материала следует, что по происхождению Пересвет и Ослябя были боярами из Черниговской земли (соответственно Брянска и Любутска), а во время событий 1380 г. являлись либо митрополичьими, либо великокняжескими боярами[8]. В Летописной повести о Куликовской битве Пересвет упоминается только в перечне погибших знатных лиц[9]. Больше информации дает поэтическая «Задонщина», но в ее списках Пересвет изображен сражающимся и погибающим не на поединке, а в гуще сражения: «Хоробрыи Пересвѣт поскакивает на своемь вѣщемъ сивцѣ, свистом поля перегороди»; «Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злаченым доспѣхомъ посвѣчиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези»[10].

Следовательно, изображение Пересвета и Осляби троицкими монахами и поединок Пересвета с ордынским богатырем являются плодами творчества автора «Сказания». Этот художественный вымысел родился, разумеется, не на пустом месте. Ослябя, еще в начале 1390-х гг. являвшийся митрополичьим боярином[11], позже станет чер-

---

6 Там же. С. 177. Только в позднейших редакциях «Сказания» ордынскому поединщику стали присваивать разные имена, в том числе ставшее хрестоматийным «Челубей».

7 Житие Сергия Радонежского: Пространная редакция / подг. текста, пер., коммент., иссл. А.В. Духаниной. М.: Брюссель, 2015. С. 356, 358, 360, 362.

8 См.: *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 107–108; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — начале XV в. Т. 2. М., 2015. С. 61–65, 80.

9 Памятники Куликовского цикла. С. 10, 39.

10 Там же. С. 91, 129.

11 Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М., 1951. С. 24; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 274. На Куликовом поле Ослябя не погиб; распространенное ныне представление об этом восходит к некоторым поздним редакциям «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: Памятники Куликовского цикла. С. 285, 293).

нецом[12]. Описание поединка навеяно как библейским сюжетом о Давиде и Голиафе, так и древнерусским — о поединке отрока-кожемяки с печенежским богатырем-исполином в 992 г., описанном в Повести временных лет[13].

Другой сюжет — состав князей, участников похода, и распределение воевод по полкам. Здесь «Сказание» рисует следующую картину.

Вначале говорится, что к Дмитрию Ивановичу пришли князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, князья Андрей Кемский, Глеб Каргопольский, андомские князья, Андрей Ярославский, Роман Прозоровский, Лев Курбский и Дмитрий Ростовский, а затем приводится «уряжение полков» при сборе их в Коломне. Согласно ему, великий князь взял к себе в полк белозерских князей, командовать полком правой руки поставил Владимира Андреевича Серпуховского, придав ему ярославских князей, полком левой руки — князя Глеба Брянского. Передовым полком командовали московские воеводы (родом из смоленских князей) Дмитрий Всеволож и Владимир Всеволож. Далее перечисляются воеводы ратей, собранных с московских владений: над «коломничами» был воеводой боярин Микула Васильевич, владимирской и юрьевской ратью руководил Тимофей Волуевич, костромской — Иван Родионович Квашня, переяславской — Андрей Серкизович. У князя Владимира Андреевича воеводами были Данило Белеут, Константин Кононов и князья Федор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский[14].

А что известно о том, отряды каких русских земель и княжеств участвовали в походе Дмитрия Ивановича на Дон, из других памятников?

Ранние источники дают об этом очень немного сведений. Рассказ Рогожского летописца и Симеоновской летописи, кроме самого Дмитрия, называет по именам только двух князей — Федора Романовича Белозерского и его сына Ивана, и то в силу того, что они пали в сражении[15]. Рассказ Новгородской I летописи младшего извода упоминает об участии в битве двоюродного брата Дмитрия серпуховского князя Владимира Андреевича[16]. Летописная повесть, помещенная в Софийской I и Новгородской IV летописях, говорит также о наличии в войске Андрея и Дмитрия

---

12 *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 448.

13 Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 122–124. Именно отсюда идет анахроничное именование ордынского богатыря «печенегом» (реальных печенегов в войске Мамая, разумеется, быть не могло).

14 Памятники Куликовского цикла. С. 148–149, 159.

15 Там же. С. 9–10.

16 Там же. С. 22–23.

Ольгердовичей, литовских князей, в 1378–1379 гг. перешедших на службу к Дмитрию Московскому[17]. Андрей ранее княжил в Полоцке, а после своего отъезда из Литвы в 1377 г. во Пскове; Дмитрий был прежде князем брянским, а перед переходом к Дмитрию Ивановичу — трубчевским[18]. Можно полагать, что под их началом находилось какое-то количество служилых людей из Полоцка и Черниговщины, а также псковичей (о их присутствии в «Повести» говорится прямо). В перечне погибших, помимо белозерских князей, упоминаются князь Федор Тарусский и брат его Мстислав, а также (только в тексте Софийской I летописи) князь Владимир Дорогобужский[19]; из этого следует, что в сражении участвовали силы из Тарусского княжества — пограничного с Московским верхнеокского княжества Черниговской земли, и из Вяземско-Дорогобужского, самого восточного из княжеств Смоленской земли. «Задонщина» утверждает, что в походе участвовал отряд новгородцев[20]. В двух списках «Задонщины» наличествует также перечень количества погибших знатных людей: кроме белозерских князей и бояр с территорий Московского и Великого княжества Владимирского (московских, коломенских, серпуховских, переяславских, костромских, владимирских, дмитровских, можайских, звенигородских, углицких) там названы «посадники» новгородские, а также бояре суздальские, муромские, рязанские и ростовские[21]. Перечисленные сведения дают, таким образом, довольно мало материала для заключений, какие войска участвовали в Куликовской битве, помимо ратей, собранных с территории собственно Московского и принадлежавшего Дмитрию Ивановичу Великого Владимирского княжеств.

Наиболее подробные сведения о составе русского войска (точнее — сведения о его «командном составе», позволяющие говорить о том, отряды с каких территорий выступили в поход) содержатся, помимо «Сказания о Мамаевом побоище», в двух памятниках, тоже относящихся к XVI в. — Новгородской летописи Дубровского[22] и Архивской летописи[23]. Они вос-

---

17 Там же. С. 32 (текст Софийской I летописи старшего извода), 68 (текст Новгородской Карамзинской летописи, считающейся наиболее ранней редакцией Новгородской IV).

18 См.: *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 158–166.

19 Памятники Куликовского цикла. С. 38–39, 77–78.

20 Там же. С. 98, 113, 127.

21 Там же. С. 119, 131–132.

22 ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 486.

23 РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. — 367; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904. С. 24–25.

ходят к общему протографу — новгородскому своду 1539 г.[24], и тексты, относящиеся к интересующему нас вопросу, в них идентичны. И картина здесь предстает совершенно иная, чем в «Сказании».

«И ставъ ту князь великии, по достоянию полки разрядивъ и воеводы учинивъ. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вѣре самобратныя князи Ондрѣи и Дмитреи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевичъ, да князь Федоръ Романовичъ Белозерскии. А у себя же имѣяше князь велики Дмитреи в полку нѣкоего боярина и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правои рукѣ воеводы учини: князя Андрѣя Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондрѣя Федоровича Стародубского, в лѣвои рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михаиловича Моложскаго. Въ сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского, да Андрѣя Серкиза, иныя же свои полки многи разрядивъ и воеводы учини; въ западномъ же полку въ дубравахъ утаивъ благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михаиловича Волынца, да князя Романа Михаиловича Брянского, да князя Василья Михаиловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского»[25].

Какой из вариантов командного состава ближе к реальности — «Сказания» или летописей Дубровского и Архивской? Это можно прояснить благодаря тому, что имеется возможность очертить круг княжеств — вероятных участников Куликовской битвы, исходя из состояния военно-политических отношений Москвы с соседними политическими образованиями до и после Куликовской битвы. В 1375 г. Дмитрий собрал под свои знамена в походе на Тверь войско, в состав которого входили князья суздальско-нижегородские, ростовские (включая устюжских), вяземский, ярославские, белозерские, кашинский, моложский, стародубский, бывший брянский, новосильский, оболенский и тарусский, а также новгородские силы[26]. Еще одним походом, участники которого подробно описаны, был поход Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386/87 г. В данном случае состав вой-

---

[24] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 37, 52–54.

[25] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. — 367; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 24–25.

[26] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 110–112.

ска приведен не по князьям, а по городам. В походе приняли участие «рати» с территории Великого княжества Московского и Владимирского — московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, костромская, углицкая, галицкая, бежицкая, белозерская, вологодская, новоторжская, а также отряды из Мещеры, княжеств Муромского, Стародубского, Суздальского, Городецкого, Нижегородского, Ростовского (с Устюжским), Ярославского, Моложского[27]. Отличия состава войска 1386–1387 гг. от войска 1375 г. (помимо того, что новгородцы стали теперь противной стороной) оказываются следующие: 1. «Белозерская рать» в результате перехода Белоозера после гибели князя Федора Романовича на Куликовом поле в состав московских владений оказалась в ряду великокняжеских сил. 2. Отсутствуют войска Вяземского княжества, так как князь Иван Васильевич погиб в 1386 г. в битве смоленских князей с Литвой под Мстиславлем, а его сын тогда же подписал договор, по которому смоленские князья попадали в зависимость от Литвы[28] (т. е. Вяземское княжество вышло тем самым из коалиции, возглавляемой Дмитрием Донским). 3. Отсутствует рать из Кашинского княжества, так как после смерти Василия Михайловича Кашинского в 1382 г. Кашин отошел к тверскому князю Михаилу Александровичу[29]. 4. Отсутствуют силы верховских княжеств (Новосильского, Тарусско-Оболенского), что объясняется, очевидно, отдаленностью их (пограничных с ордынской территорией) от театра военных действий (союз князей этих земель с Дмитрием сохранялся — в 1385 г. Роман Новосильский и тарусские князья участвовали в войне Москвы с Рязанью[30]). 5. На сей раз в походе участвуют войска из Муромского княжества и Мещеры[31].

Можно с уверенностью полагать, что в 1380 г. сборы русского войска исходили в основе из той же коалиции княжеств: в августе 1380 г. Дмитрий Иванович имел достаточно времени для сбора войск — не меньше, чем в 1375 г., поскольку Мамай не торопился с продвижением, ожидая

---

27 ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 345; Т. 42. СПб., 2002. С. 149.

28 Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 152–155; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 73–74.

29 См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2016. С. 105–107.

30 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 19. С. 54.

31 Мещера до 1381 г. оказалась под властью Дмитрия Донского: в его договоре с Олегом Рязанским этого года она называется «куплей» московского князя (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 10. С. 29).

подхода войска Ягайло[32]. Имеющиеся в ранних источниках о Куликовской битве отрывочные сведения об участвовавших в сражении князьях подтверждают правильность такого подхода: в них упоминаются белозерские и тарусские князья, а также князь дорогобужский (Дорогобуж был вторым по значению городом в Вяземском княжестве, и павший на Куликовом поле князь Владимир Дорогобужский — возможно, брат Ивана Васильевича Вяземского), т. е. представители трех далеко отстоящих друг от друга районов, входивших в область «мобилизаций» 1375 и 1386 гг.: Белоозеро является ее крайней северной точкой, Вязьма с Дорогобужем — крайней западной, а Таруса — самой южной после Новосильско-Одоевского княжества.

Исходя из вероятности сходства состава русского войска в 1380 г. с участниками походов 1375 и 1386–1387 гг., как можно оценить достоверность перечней, содержащихся в «Сказании о Мамаевом побоище» и летописях Дубровского и Архивской?

Что касается последних, то их перечень князей очень близок как с составом войска 1375 г., так и с перечнем «ратей» 1386 г. В отличие от 1375 г. не упомянуты Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский, его братья Борис и Дмитрий Ноготь и сын Семен, князья ростовского дома Василий и Александр Константиновичи, один из ярославских князей Васильевичей; вместо Романа Семеновича Новосильского фигурирует его сын. Все эти изъятия могут быть объяснены обстановкой кануна Куликовской битвы. Нижегородско-суздальские князья после двукратного разорения Мамаем их земель — в 1377 и 1378 гг. — должны были быть озабочены в первую очередь охраной своих владений. Василий и Александр Константиновичи княжили во входившем в Ростовское княжество Устюге[33] и могли воздержаться от выступления или не успеть на сбор войск из-за чрезвычайной удаленности их княжества от театра военных действий. Что касается Новосильского княжества, то оно лежало на пути Ягайло, двигавшегося с запада к верховьям Дона на соединение с Мамаем; Роману Семеновичу было естественно отправить в помощь Дмитрию отряд во главе с сыном, а самому остаться оборонять свою землю от литовцев. В отличие от 1386 г., в перечне летописей Дубровского и Архивской присутствуют Иван Васильевич Вяземский, Василий Михайлович Кашинский (в отно-

---

32 См.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле. С. 10.

33 См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. С. 270, 276–279.

шении обоих нет оснований полагать, что к 1380 г. они могли выйти из союза с Дмитрием), князья новосильские и тарусско-оболенские, сохранявшие союз с Москвой и в середине 80-х гг., и не упоминается об участии муромских и мещерских сил.

Из князей же, названных в «Сказании о Мамаевом побоище», в перечне 1375 г. не присутствует никого, кроме Владимира Андреевича Серпуховского. Белозерские, ярославские и ростовские князья носили в эпоху Куликовской битвы другие имена, чем названные в «Сказании», Глеб Брянский жил в первой половине XIV в., а княжеств-уделов Кемского, Каргопольского, Андомского (верно — Андожского), Прозоровского и Курбского еще не существовало[34]. Следовательно, сведения «Сказания» о составе русского войска в целом достоверными признаны быть не могут.

Таким образом, исходя из двух рассмотренных сюжетов, можно заключить, что в «Сказании о Мамаевом побоище» присутствуют явно вымышленные события и персонажи. Фактически перед нами художественное произведение, написанное по мотивам реального события.

* * *

В отношении «Повести о разорении Рязани Батыем» (входящей в цикл Повестей о св. Николе Заразском) высказывались мнения о ее датировке концом XIII[35] в. или XIV[36] в., но ныне обоснованным представляется отнесение данного произведения к первой половине или середине XVI столетия[37].

В начале «Повести» перечисляются рязанские князья, противостоявшие войску Батыя. Помимо княжившего собственно в Рязани Юрия

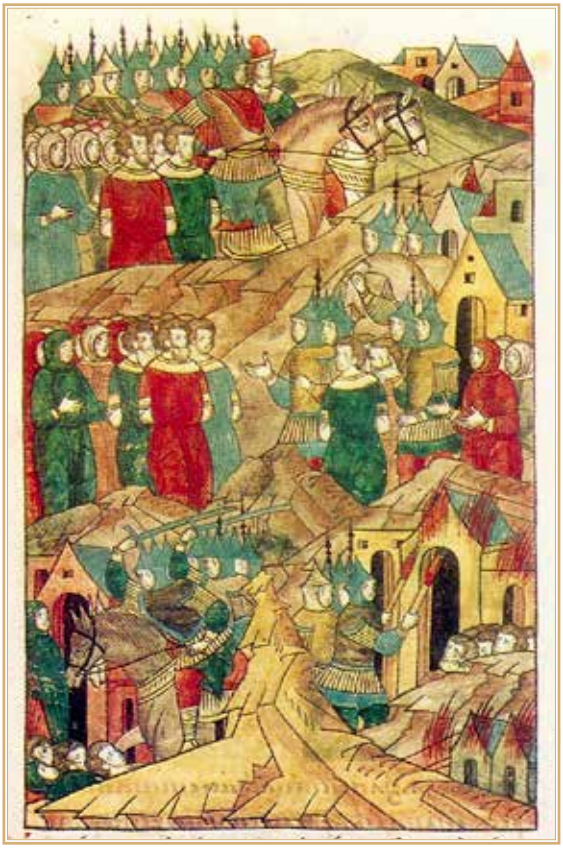
---

[34] См.: Памятники Куликовского цикла. С. 205–206 (прим. 28), 210–211 (прим. 47).

[35] *Евсеева И.А.* «Повесть о разорении Рязани Батыем». Редакции XVI и XVII веков. Автореф. канд. дисс. Л., 1985. С. 7–9, 15; *Лобакова И.А.* Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 48–49.

[36] *Лихачев Д.С.* Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 139–141.

[37] *Поппе А.* К начальной истории культа св. Николая Заразского // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. P. 289–292; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 436–449; *он же*. История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002; *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. Воронеж, 2008. С. 81–92.



Разорение Рязани Батыем. *Миниатюра. Лицевой летописный свод*

Ингоревича и его сына Федора, названы братья Юрия Давыд Ингоревич Муромский, Глеб Ингоревич Коломенский, Олег Ингоревич и Всеволод Пронский. Федора, отправленного послом к Батыю, затем убивают в его стане, Юрий, Давыд, Глеб и Всеволод погибают в сражении с татарами, а Олега, попавшего израненным в плен и отказавшегося отречься от христианской веры, Батый приказывает «на части роздробити»[38].

Между тем князья Федор Юрьевич и Глеб Ингоревич более нигде не упоминаются. Всеволод Пронский умер в 1208 г.[39] В Муроме не мог править родной брат рязанского князя, поскольку Муромская земля представляла собой отдельное от Рязанской политическое образование, и там была своя княжеская ветвь. Князь по имени Давыд в Муроме действительно был, но имел отчество Юрьевич и умер в 1228 г.[40] Олег не был убит, в 1252 г. его «пустиша татарове... в свою землю», и умер

[38] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 184, 186, 188, 194.
[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 430–431.
[40] Там же. Стб. 405, 450.

этот князь своей смертью в 1258 г.[41] Казнен был в Орде описанным в «Повести» способом («рѣзати по съставомъ») его сын Роман Ольгович в 1270 г.[42] Таким образом, в «Повести» объединены князья, жившие в разное время, и к ним добавлены некоторые, возможно не существовавшие в реальности.

Поистине культовым стал другой сюжет, изложенный в «Повести» — о Евпатии Коловрате. В нем рассказывается, что «нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем». Узнав о нашествии Батыя, он вернулся в Рязань и увидел ее разоренной. Тогда Евпатий «собра мало дружины, тысящу семсотъ человекъ», отправился в погоню за Батыем, настиг его войска в земле Суздальской и стал «сѣчи без милости», так что «татарове мняша, яко мертви восташа». Узнав от попавших в плен раненых воинов, кто возглавляет нападение на его станы, Батый послал на Евпатия своего «шурича» по имени Хостоврул или Таврул (в разных редакциях есть разночтения на этот счет[43]), но Евпатий сразил его в бою. Убить Евпатия татары смогли, только забросав его камнями из «пороков» — осадных орудий. Подивившись храбрости Евпатия, Батый отдал его тело оставшимся в живых и попавшим в плен воинам его дружины, отпустив их невредимыми[44].

О Евпатии Коловрате нет известий ни в каких иных источниках кроме «Повести». При этом некоторые составные части нарратива о нем обнаруживают литературные истоки. Так, князь по имени Ингварь Игоревич действительно избежал участи погибнуть вместе с другими рязанскими князьями, но не во время нашествия монголов в 1237 г., а в 1217 г., когда один из князей рязанского дома, Глеб Владимирович, предательски перебил своих родственников[45]. Численность дружины в 1700 человек упоминается в родословной легенде боярского рода Квашниных — с таким количеством воинов пришел на службу к московским князьям около 1300 г. киевский боярин Нестер Рябец[46]. Сходное с именем убитого

---

41 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 475.

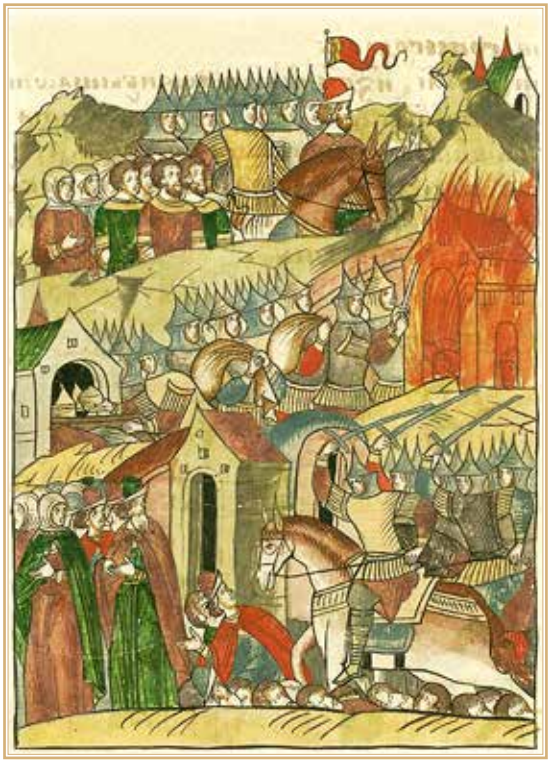
42 ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 73.

43 См.: *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 294, 315, 336.

44 Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 190, 192.

45 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 58.

46 ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 478–479 (Новгородская летопись Дубровского). См. об этом сюжете: *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 32–36.



Рать великого князя Дмитрия Ивановича разоряет Рязанскую землю.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

Евпатием ханского «шурича» имя (Товрул) носил попавший в плен перед осадой Киева в 1240 г. воин Батыя[47]. После взятия Киева в 1240 г. возглавлявшего оборону воеводу Дмитра привели к Батыю раненого, и «не оубиша его моужьства ради его»[48] (в «Повести» этот эпизод использован в двух местах: раненым приводят к Батыю Олега Ингоревича, восхищается хан храбростью убитого Евпатия, а отпускает ради этого его плененных воинов). Перечисленные эпизоды из русской истории присутствуют в Московском летописном своде конца XV в.[49] и (рассказ о родоначальнике Квашниных) в Архивской летописи[50]; между тем в «Повести о разорении Рязани Батыем» отмечено использование именно этих летописных памятников[51]. Наконец, гибель от ударов камней (уникальная для полевого сражения — их метание было предназначено для разрушения стен при штурме городов), вероятно, навеяна Житием

47 ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 784.
48 Там же. Стб. 785.
49 ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 115, 131.
50 РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 312.
51 *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. С. 436–449.

соименного Евпатию святого — Ипатия Гангрского, который был побит камнями[52].

Таким образом, хотя и нельзя полностью исключать возможность, что автор «Повести» художественно обработал какое-то рязанское предание о мести захватчикам[53], считать рассказ о Евпатии Коловрате изображением реальных событий оснований нет.

В целом же «Повесть о разорении Рязани Батыем» следует признать художественным произведением на историческую тему, а не источником по событиям середины XIII столетия.

* * *

Никоновская летопись 20-х гг. XVI в.[54] содержит много уникальных фрагментов, в том числе в повествовании об отдаленных временах. В историографии они часто используются как достоверные известия, дополняющие лаконичные сведения ранних источников.

Один из таких дополнительных «блоков информации» относится к IX столетию. Помимо сведений о Рюрике и Аскольде и Дире, восходящих к Повести временных лет, Никоновская летопись содержит дополнительные фрагменты.

Во-первых, вместо одного похода Аскольда и Дира на Царьград (помещаемого Повестью временных лет под 866 г.) она говорит о трех. Рассказ о первом походе помещен в недатированной части летописи, о втором под 866 г., третий же датируется 874 г.: он представлен как незавершенный и обернувшийся Крещением Руси[55]. Кроме того, говорится о гибели сына Аскольда «от болгар», о походах Аскольда и Дира на полочан (865 г.) и печенегов (867 г.)[56].

---

[52] См.: *Крюкова А.Н.* Ипатий, еп. Гангрский // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 262–268. Произведения, посвященные св. Ипатию, распространились на Руси именно в XVI в. При этом в одном из них, «Мученичестве» Ипатия, есть эпизод его воскресения после гибели от огня — ср. в рассказе об Евпатии Коловрате: «ови побьены и посѣчены, а ови позжены» и «Татарове мняша, яко мертви восташа» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 190).

[53] См. попытку выделить в сюжете о Евпатии «песенную основу»: *Путилов Б.Н.* Песня о Евпатии Коловрате // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 11. М.; Л., 1955.

[54] См. о ней: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

[55] ПСРЛ. Т. 9. М., 1965. С. 7, 9, 13.

[56] Там же. С. 9.

Во-вторых, имеются сообщения о сопротивлении новгородцев власти Рюрика. Под 864 г.: «Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: яко бытии намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби новгородцевъ съвѣтников его»[57]. Под 865 г.: «Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много новогородцкыхъ мужей»[58].

Б.А. Рыбаков посчитал эти вставки восходящими к «летописи князя Аскольда» второй половины IX в.[59] Эта точка зрения нашла поддержку[60]. Однако О.В. Творогов показал, что «утроение» известий о походах на Царьград стало результатом компиляции информации из разных источников, как летописных, так и хронографических (сочинений по всемирной истории), известных в первой половине XVI в.[61] Сообщения о гибели сына Аскольда и о походе на полочан не поддаются проверке, но про поход на печенегов можно уверенно полагать, что перед нами вымысел, так как до конца 880-х гг. кочевья печенегов находились за Волгой.

Не лучше обстоит дело с «Вадимом Храбрым» (упоминание о котором вдохновило нескольких литераторов Нового времени на создание посвященных ему литературных произведений[62]). Имя Вадим ранее Никоновской летописи не встречается ни в одном источнике. К тому же оно является христианским, восходящим к имени мученика IV в. Вадима Персидского, чье почитание в Византии началось только в конце X в. (а на Руси как раз в веке XVI)[63]; соответственно, среди новгородцев IX в. никакого Вадима быть не могло.

---

57 Там же.

58 Там же.

59 *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 165–173; *он же*. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1982. С. 305–308.

60 *Брайчевский М.Ю.* Відроджена пам'ятка дев'ятого століття // Київ. 1988. № 2.

61 *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2.

62 См. об этом: *Артамонов Д.С.* Вадим Новгородский: вымысел историков и интерпретация литераторов XVIII–XIX вв. // Люди и тексты: исторический альманах. Вып. 10. М., 2017.

63 См.: *Аристов В.* Вадим Хоробрий у Никонівському літописі // Ruthenica. Вип. 8. Київ, 2009. С. 186–187. Само имя имеет восточное (персидское или арабское) происхождение, см.: *Поляков Г.В.* Этимология имени Вадим // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI: Материалы чтений памяти И.Н. Тронского. СПб., 2017; *Шапошников А.К.* Загадочные ориентальные имена в церковно-славянской традиции: Вадим (на сайте academia.edu).

Через Никоновскую летопись проходит тема отношений Руси с Римом[64]. Уникальные известия на этот счет распределены на протяжении четырех столетий — от X до XIV в.

979 г.: «Того же лѣта приидоша послы къ Ярополку отъ папы»[65].

991 г.: «Того же лѣта приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовию и съ честию»[66].

994 г.: «Того же лѣта послы Володимеровы приидоша въ Киевъ, иже ходиша въ Римъ къ папѣ»[67].

1000 г.: «Того же лѣта приидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чежьскихъ и Угорскихъ»[68].

1001 г.: «Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Иерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ»[69].

1091 г.: «Того же лѣта прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ»[70].

1169 г.: «Того же лѣта приидоша послы отъ Римскаго папы»[71].

1388 г.: «Того же лѣта приидоша послы на Москву отъ папы Римьскаго»[72].

К тому же циклу «римских» дополнений можно отнести прибавку прозвища «Римлянин» к имени колокольного мастера, который в Симеоновской летописи (непосредственном источнике Никоновской) фигурирует просто как «Бориско»: «Того же лѣта на Москвѣ князь велики Семионъ Ивановичь и з братьею своею Иваномъ Ивановичемъ и Андрѣемъ Ивановичемъ слиаша три колоколы болшихъ, а два меншихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ»[73].

Источника, который бы освещал связи Руси с Римом начиная с X в., в распоряжении составителя Никоновской летописи быть не могло. Справедливым представляется мнение, что «известия о сношениях киевских (можно добавить — и московских. — *А.Г.*) князей

---

64 *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 188.

65 ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

66 Там же. С. 64.

67 Там же. С. 65.

68 Там же. С. 68.

69 Там же.

70 Там же. С. 116.

71 Там же. С. 237.

72 Там же. Т. 11. М., 1965. С. 94.

73 Там же. Т. 10. М., 1965. С. 217. Ср. Симеоновскую летопись: Там же. Т. 18. С. 95.

с Римом были введены для возвеличения международного престижа Русского государства»[74].

* * *

Итак, три произведения на исторические темы, созданные в один период времени, обнаруживают общую черту: в них присутствует прямой и несомненно осознаваемый авторами художественный вымысел. Следовательно, уже для первой половины XVI в. можно говорить о существовании этого элемента в русской литературе.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевом побоище» представляют собой фактически исторические повести по мотивам знаковых событий отечественной истории — нашествия монголов и Куликовской битвы. Воспринимать их как источники для изучения этих событий неправомерно. Данные произведения ценны именно как памятники художественной литературы, а не как фиксация реальных событий. Никоновская летопись внесла вымысел и в жанр летописания.

Авторы рассмотренных трех памятников русской литературы первой половины XVI столетия в вымышленных фрагментах отталкивались от реальных событий, иногда приписывая историческим персонажам — Рюрику, Аскольду и Диру, Олегу Ингваревичу, Пересвету и Ослябе — придуманные эпизоды, а иногда вводя в повествование наряду с ними персонажей вымышленных, таких как Вадим, не существовавшие (или действовавшие в другие эпохи) князья (в «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Сказании о Мамаевом побоище»), вероятно, Евпатий Коловрат. Все как в художественной литературе Нового времени... Ничего, впрочем, удивительного — в первой половине XVI в. оно в Европе как раз и начиналось.

[74] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 188.

REFERENCES

1. Akty feodal'nogo zemlevladeniya i khozyaystva [Acts of feudal land tenure and economy]. Ch. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 400 s.
2. *Amel'kin A.O.* Tatarskiy vopros v obshchestvennom soznanii Rossii kontsa XV — pervoy poloviny XVI vekov (po materialam pamyatnikov agiografii i fol'klora): Monografiya [The Tatar question in the public consciousness of Russia at the end of the XV — the first half of the XVI centuries (based on materials from monuments of hagiography and folklore): Monograph]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2008. 250 s.
3. *Artamonov D.S.* Vadim Novgorodskiy: Vymysel istorikov i interpretatsiya literatorov XVIII–XIX vekov [Vadim Novgorodsky: Fiction of historians and interpretation of writers of the XVIII–XIX centuries] // Lyudi i teksty: Istoricheskiy al'manakh. 2017. № 10. S. 155–177.
4. *Arystov V.* Vadim Khrabryi v Nikonovskoy letopisi [Vadym the Brave in the Nikon Chronicle] // Ruthenica. Vyp. 8. Kiev, 2009. S. 184–188.
5. *Braychevskiy M.Yu.* Vidrozhdena pam'yatka dev'yatoho stolittya [A revived monument of the ninth century] // Kyiv. 1988. № 2.
6. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vekov [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 585 s.
7. *Evseeva I.A.* «Povest' o razorenii Ryazani Batyem». Redaktsii XVI i XVII vekov: Avtoref. kand. diss. [«The Tale of the Devastation of Ryazan by Batu». Revisions of the XVI and XVII centuries: Abstract cand. diss.] Leningrad, 1985.
8. *Florya B.N.* Litva i Rus' pered bitvoy na Kulikovom pole // Kulikovskaya bitva: Sb. statey [Lithuania and Rus' before the battle on the Kulikovo field // Battle of Kulikovo: Sat. articles]. Moscow: Nauka, 1980. S. 142–173.
9. *Gorskiy A.A.* Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moscow: Lomonosov, 2016. 296 s.

10. *Kloss B.M.* Istoriya sozdaniya Povesti o Nikole Zarazskom // Zaraysk. T. 1: Istoricheskie realii i legendy [The history of the creation of the Tale of Nicholas Zarazsky // Zaraysk. Vol. 1: Historical realities and legends]. Moscow, 2002. S. 114–177.
11. *Kloss B.M.* Izbrannye trudy. T. 2: Ocherki po istorii russkoy agiografii XIV–XVI vekov [Selected works. Vol. 2: Essays on the history of Russian hagiography of the XIV–XVI centuries]. Moscow, 2001. 488 s.
12. *Kloss B.M.* Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [Nikon's code and Russian chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka, 1980. 312 s.
13. *Konyavskaya E.L.* O «granitsakh» drevnerusskoy literatury (letopisi: pisatel' i chitatel') [On the «boundaries» of ancient Russian literature (Chronicles: A writer and a reader)] // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2003. № 2(12). S. 76–80.
14. *Kryukova A.N.* Ipatiy, ep. Gangrskiy // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 26 [Hypatius, bisbop of Gangra // Orthodox Encyclopedia. Vol. 26]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2011. 751 s.
15. *Kuchkin V.A.* Dmitriy Donskoy i Sergiy Radonezhskiy v kanun Kulikovskoy bitvy // Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii [Dmitry Donskoy and Sergius of Radonezh on the eve of the Battle of Kulikovo // Church, society and state in feudal Russia]. Moscow, 1990. S. 103–126.
16. *Kuchkin V.A.* Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi X–XIV vekov [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the X–XIV centuries] Moscow: Nauka, 1984. 349 s.
17. *Kuchkin V.A.* Pobeda na Kulikovom pole [Victory on the Kulikovo field] // Voprosy istorii. 1980. № 7. S. 3–21.
18. *Kuz'min A.V.* Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — nachale XV veka [On the way to Moscow: Essays on the genealogy of the military service nobility of North-Eastern Rus' in the XIII — early XV centuries]. T. 2. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2015. 452 s.
19. *Likhachev D.S.* Povest' o razorenii Ryazani Batyem // Voinskie povesti Drevney Rusi [The tale of the devastation of Ryazan by Batu // Military tales of ancient Rus']. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 119–142.

20. *Likhachev D.S.* Povesti o Nikole Zarazskom // Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 7 [Tales of Nikola Zarazsky // Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 7]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 257–406.
21. *Lobakova I.A.* Problema sootnosheniya starshikh redaktsiy «Povesti o razorenii Ryazani Batyem» // Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 46 [The problem of the ratio of older editions of «The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu» // Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 46]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 1993. S. 36–52.
22. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior editions]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 642 s.
23. Pamyatniki Kulikovskogo tsikla [Monuments of the Kulikovo cycle]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyi tsentr BLITS, 1998. 412 s.
24. Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Rus'. XIII century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 616 s.
25. *Petrov A.E.* «Aleksandriya Serbskaya i "Skazanie o Mamaevom poboishche"» [«Alexandria of Serbia and the "Tale of Mamay's Battle"»] // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2005. № 2(20). S. 54–64.
26. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Moscow, 1997 (Lavrent'evskaya letopis').
27. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. Moscow, 2001 (Ipat'evskaya letopis').
28. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Vyp. 2. Leningrad, 1925 (Novgorodskaya IV letopis').
29. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 9. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
30. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 10. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
31. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 11. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
32. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 15. Vyp. 1. Petrograd, 1922 (Rogozhskiy letopisets).
33. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 18. St. Petersburg, 1913 (Simeonovskaya letopis').

34. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow; Leningrad, 1949 (Moskovskiy letopisnyi svod kontsa XV veka).
35. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 42. St. Petersburg, 2002 (Novgorodskaya Karamzinskaya letopis').
36. *Polyakov G.V.* Etimologiya imeni Vadim // Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XXI [Etymology of the name Vadim // Indo-European linguistics and classical philology — XXI]. St. Petersburg: Nauka, 2017. S. 689–691.
37. *Poppe A.* K nachal'noy istorii kul'ta sv. Nikolaya Zarazskogo [To the initial history of the cult of St. Nikolai Zarazsky] // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. S. 589–604.
38. *Priselkov M.D.* Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta [Troitsk Chronicle. Text reconstruction]. Moscow; Leningrad, 1950. 514 s.
39. Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. № 20.
40. *Rybakov B.A.* Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Rus': Legends. Epics. Chronicles]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. 361 s.
41. *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vekov [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1982. 590 s.
42. *Shakhmatov A.A.* O tak nazyvaemoy Rostovskoy letopisi [On the so-called Rostov chronicle]. St. Petersburg: Universitetskaya tipografiya, 1904. S. 67–162.
43. *Shaposhnikov A.K.* Zagadochnye oriental'nye imena v tserkovno-slavyanskoy traditsii: Vadim [Mysterious oriental names in the church Slavonic tradition: Vadim] // academia.edu [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu
44. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV–XVI veka [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. Second half of the XIV–XVI centuries]. Leningrad: Nauka, 1989. Ch. 2. 528 s.
45. Smolenskie gramoty XIII–XIV vekov [Smolensk letters of the XIII–XIV centuries]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. 139 s.
46. *Tvorogov O.V.* Literatura Drevney Rusi. Posobie dlya uchitelya [Literature of Ancient Rus'. A guide for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie, 1981. 128 s.

47. *Tvorogov O.V.* Skol'ko raz khodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?] // Slavyanovedenie. 1992. № 2. S. 54–59.
48. Zhitie Sergiya Radonezhskogo: Prostrannaya redaktsiya / Podg. teksta, perevod, kommentarii, issledovanie A.V. Dukhaninoy [Life of Sergius of Radonezh: Lengthy edition / Preparation text, translation, comments, research by A.V. Dukhanina]. Moscow; Brussels: Conference Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL; Svyato-Ekaterininskiy muzhskoy monastyr', 2015. 640 s.

Ключевые слова:

Русь, Средневековье, историческая литература, художественный вымысел.

Anton A. Gorsky

THE TALE OF MAMAI'S BATTLE, THE TALE OF THE DESTRUCTION OF RYAZAN BY BATU KHAN, AND THE NIKON CHRONICLE: THE BEGINNING OF THE RUSSIAN HISTORICAL FICTION

The article highlights the moments when a fiction takes place in Old Russian sources on History.

Examined are three monuments created at the same historical period – at the beginning of the 16th century: the Tale of Mamai's Battle – one of the most vague narratives on the Battle Kulikovo of 1380, the Tale of the Destruction of Ryazan by Batu Khan, which talks about the Mongolian Invasion of the Ryazan lands of 1237, and the Nikon Chronicle.

A conclusion has been made that all the texts include purely fictitious episodes, which show that artistic fiction in historic narratives was spread in the 16th century.

Taking the Tale of Mamai's Battle and the Tale of the Destruction of Ryazan by Batu Khan as sources for further research about the Mongol Invasion and the Battle of Kulikovo is inappropriate. Those works are voluble monuments of fiction literature, but do not depict real historical events.

The Nikon Chronicle brought fiction into the chronicle genre. Traced events are typical for literature of the beginning of the modern European history.

Key words: Rus, Middle Ages, Historiography, Work of Fiction.

Anton A. Gorksiy – D. Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History.

Горский Антон Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института российской истории РАН, руководитель Центра источниковедения истории России